

Дмитрий Панасюк

БЕССМЫСЛИЦА В ТВОРЧЕСТВЕ ОБЭРИУ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ КАНТОВСКОГО ВРЕМЕННОГО СХЕМАТИЗМА

Новое время нашло свои основоположные установки познания в декартовской философии безусловного Я и в кантовской философии, обосновавшей на много лет вперед опосредованный характер познания и создавшей облик знания как всеобщего и необходимого, обусловленного системой априорных форм и единством трансцендентального субъекта. Рассмотрение в данной статье кантовской концепции схематизма чистых рассудочных понятий и времени как основной трансцендентальной схемы позволит проследить основания философии бессмыслицы обэриутов, исходивших из разрушения тех схем смысла, которые выдвигал Кант в своём учении о схематизме.

Основную проблему главы «О схематизме чистых рассудочных понятий» Кант формулирует следующим образом: «как возможно *подведение* созерцаний под чистые рассудочные понятия, т. е. *применение* категорий к явлениям» [5, с. 116]. Так как чистое мышление и созерцание, по Канту, происходят из разных источников¹, то возникает вполне закономерный вопрос «как возможно соединить эти две сферы в нашем опыте?». Чтобы совершить такое соединение, нужен некий посредник между категориями и явлениями, должно существовать нечто третье, однородное как с категориями, так и с явлениями. Как отмечает Кант: «Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой – *чувственным*. Именно такова *трансцендентальная схема*» [5, с. 116], создаваемая продуктивной способностью воображения.

Такой трансцендентальной схемой, делающей возможным подведение предмета под понятие, Кант считает время. С одной стороны, время, как единство многообразия в чистом представлении, однородно с категорией, которая есть единство многообразия. С другой, время однородно также и с явлением, которое есть наглядность многообразия, время содержится во всяком эмпирическом представлении о многообразном. Отсюда Кант выводит, что схема опосредует подведение понятия под предмет. Схему, как продукт чистой способности воображения а priori, следует отличать от образа, как продукта эмпирической способности воображения.

Кант даёт описание наиболее универсальных схем и показывает, что они раскрываются при помощи временных определений. Например, «схема субстанции есть постоянность реального во времени ...схема причины ...состоит в последовательности многообразного ...схема возможности

есть согласие синтеза различных представлений с условиями времени вообще ...схема действительности есть существование в определённое время. Схема необходимости есть существование предмета во всякое время» [5, с. 119]. Кант настаивает именно на том, что схемы суть априорные определения времени, он подчёркивает их темпоральный характер. В первой редакции «Критики чистого разума» Кант выделяет 3 вида временного синтеза. Синтез схватывания (аппрегензии) в созерцании позволяет нам обозреть многообразие и собрать его вместе. Без этого синтеза мы бы не смогли иметь априорного представления ни о пространстве, ни о времени, так как они могут быть произведены только посредством синтеза многообразного. Синтез воспроизведения (репродукции) в воображении предполагает синтез схватывания, ибо без него не существовало бы образа, который воспроизводится. Синтез узнавания, или рекогниции в понятии предполагает оба первых синтеза, но в нём объединяется то, что мы созерцаем в предшествующий момент, с тем, что мы воспроизводим в настоящий момент.

Но главной заслугой Канта является не просто описание временных характеристик каждой категории и не выделение трёх видов временного синтеза. Я согласен с В. Молчановым, который видит основную заслугу Канта в том, что он «раскрывает самую глубокую функцию времени: придавать категориям значения» [9]². Кант писал: «...схемы чистых рассудочных понятий суть истинные и единственные условия, способные дать этим понятиям отношение к объектам, стало быть, *значение...*» [5, с. 120]. Схемы, таким образом, суть временные определения и поэтому носители значений. И если не различать понятия смысл и значение (для Канта эти понятия были совершенно идентичны), то главной функцией времени будет *смыслообразующая* функция. Именно из этого исходили обэриуты в своём методе бессмыслицы, когда приостанавливали действия временного синтеза, попадая при этом в сферу бессмыслицы. Двигаясь к методу бессмыслицы, Введенский подвергал сомнению привычные для человека способы познания и предпринимал попытку критического переосмысления рациональности как таковой. «Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провёл как бы поэтическую критику разума – более основательную, чем та, отвлечённая. Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здания. Может быть, плечо надо связывать с четырёх. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира» [8, с. 16], – заявляет Введенский.

Обэриуты отказываются признавать адекватность методически-понятийного познания, его способность постичь истину мира. Например, в стихотворении А. Введенского «Факт, теория и Бог» дискредитированы все возможные способы научного познания. Здесь персонажами оказываются душа, теория, факт, вопрос, ответ и пр., продемонстрировавшие свою неспособность разрешить важнейшие проблемы человеческого бытия, жизни и смерти. И только экзистенциальное событие –

*здесь окончательно
Бог наступил
хмуро и тщательно
всех потопил –*

вносит ясность в жизненную ситуацию.

Так же и Д. Хармс в замечательном стихотворении «Измерение вещей» пародийно-издевательски изображает тщетные попытки ученых получить ожидаемый истинный результат посредством методически-понятийных средств познания, противопоставляя им донаучные способы ориентации в мире, где единицами измерения могут выступать вершки, руки, шаги, сабли, вилки, косая сажень, клин, клюв и клык. Поэт предлагает ситуацию:

*Я теперь считаю так:
меры нет.
Вместо меры наши мысли
заключенные в предмет.
Все предметы оживают
Бытие собой украшают.*

Чтобы познать истинную картину мира, по мнению обэриутов, нужно выключить в себе рациональную сферу и остановить процедуру временного синтеза отдельных впечатлений, установленные традицией классического рационализма, в частности Кантом. Как мы уже показали, основой подведения понятия под предмет, по Канту, являются схемы, которые есть продукт чистого воображения. Данные схемы суть временные определения, т. е. время, как основная трансцендентальная схема, выполняет подведение предмета под понятие, или, другими словами, время есть основной источник смыслополагания. Обэриуты исходят из разрушения данной концепции установления смысла. Они приостанавливают действие временного синтеза³, таким образом, попадая в сферу бессмыслицы, в которой предметы уже не связываются с понятиями («Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здания»). Хармс, в первом рассказе своего цикла «Случаи», который называется «Голубая тетрадь № 10», даёт яркую демонстрацию отсутствия связи предмета с понятием:

«Жил один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа у него не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь. Уж лучше мы о нём не будем больше говорить» [11, с. 21].

Этот рассказ имеет подзаголовок «Против Канта», и, исходя из нашей идеи о разрушении обэриутами кантовской концепции схематизма чистых рассудочных понятий, становятся ясными интенции Хармса в написании данного подзаголовка. Полная потеря связи предмета с понятием уничтожает всякую возможность дать транскрипцию этого «рыжего человека». Я согласен с Ямпольским, который в комментарии к данному рассказу отмечал поиск Хармсом идеального предмета, полностью очищенного от эмпирического наслоения. Он пишет: «Чисто умозрительный “предмет” оказывается лишенным любых данных восприятия, телесности, например как в хармсовском тексте, где человек не имеет глаз и ушей, как не имеет вообще никакого тела, ведь последнее относится к сфере эмпирического чувственного опыта. Мыслимый “предмет” поэтому, как часто у Хармса, невидим» [13, с. 34]. Сфера смысла у обэриутов не имеет сторону наименования, так как наименование невозможно при остановке времени/языка, поэтому: «“Голубая тетрадь № 10” это просто “предмет”. “Предмет”, который не может быть назван потому, что для случайного нет слова, а для трансцендентального – имени» [13, с. 35], – отмечает Ямпольский. Таким образом, выключая в себе рациональную сферу и останавливая действие временного синтеза отдельных впечатлений, можно достичь вечности, так как мир рассыпается на множество мгновений, каждое из которых представляет собой вечность, «начнётся мерцание. Мышь начнёт мерцать. Оглянись: мир мерцает (как мышь)» [1, с. 81]. Мерцание состоит из отдельных мгновений, или, как их называет Введенский, «точек времени»: «В мире летают точки, это точки времени. Они садятся на листья, они опускаются на лбы, они радуют жуков. Умирающий в восемьдесят лет, и умирающий в 10 лет, каждый имеет только секунду смерти. Ничего другого они не имеют...разница лишь в том, что у восьмидесятилетнего нет будущего, а у 10-летнего есть. Но и это неверно, потому что будущее дробится. Потому что прежде чем прибавится новая секунда, исчезнет старая» [1, с. 83]. Мы можем сравнить эти «точки времени» с, упоминаемой Жилем Делёзом в работе «Логика смысла», точкой «вдруг». Точка «вдруг», которая лежит на линии Эона и постоянно проскакивает мимо своего места, так как не имеет оно. Точка времени Введенского постоянно дробится, как и мгновение Делёза, которое

бесконечно дробимо и уходит сразу в будущее и прошлое одновременно.

Чтобы войти в мир без времени, нужно увидеть мерцание мира. По этому поводу В. А. Подорога пишет: «По мере погружения в мерцание мира, а мир мерцает как мышь, бегающая по камню, и, следовательно, чтобы понять мерцание мира, необходимо постичь бег мыши, каждый её отдельный шаг. И это постижение Введенский связывает с номинативной редукцией (мы теперь не знаем ни что такое «шаг», ни что такое «каждый», ни что такое «камень», не знаем даже что такое «мышь»). Мы теперь не знаем имён и видим лишь мерцание множества «точек времени», которые разложили движение мыши настолько, что она превратилась в сплошное мерцание. Видим, пытаемся подсчитать эти ускользающие мгновения мерцаний, но усилия напрасны, – *время останавливает свой мышинный бег, ибо мышь перестаёт быть мышью и становится миром*» [10, с. 146].

По моему, Л. Липавский наиболее полно описал процедуру остановку времени в работе «Исследование ужаса», когда человек попадает в сферу, освобождённую от привычного дискурса или, другими словами, освобождён от смысла. Попадая в мир, в котором «время остановило свой мышинный бег», мы попадаем в мир бессмыслицы, поскольку с остановкой действия времени останавливается также и действие языка. Точнее, остановка времени происходит не в реальности самой по себе, а в мире-языке, мире, который поставляет в человеческую жизнь осмысленность. Как справедливо отмечает В. А. Подорога: «Всё, что происходит, происходит лишь с нами, языковыми существами. Мир же, выходящий из собственного прежнего образа, отпадающий от языка, не погружается в хаос. Открывается новая близость с миром, теперь язык не препятствует миру *напрямую* захватывать нас. И это обесмысливает желание смысла» [10, с. 145]. У Друскина есть замечательные строки, показывающие близость мира и поэта-наблюдателя в момент «слипания»: «Я связан со всем, нет меня отдельного. Я – часть всего, и я же – всё. А моя душа? Нет её, снова нет, потому что всё одно, и я – всё. Снова я выскочил из мира, и поэтому нет моей души: я часть всего, и я – всё. Хорошо найти свою душу и хорошо потерять её» [2, с. 432].

Хармс описал такое отождествление человеческого Я с мировой субстанцией в своём произведении «Мыр»⁴, в котором отмечал что, если мы перестанем делить мир количественно, а непосредственно осознаем его качественную однородность, тогда мы попадём в «препятствие» между «тем» и «этим» (Хармс «О времени, пространстве и существовании»), мы попадём в Мыр.

Однако такое отождествление не может длиться долго так, как смысл возвращается, как его называет В. А. Подорога, по закону *окликания*: «Звать по имени, зов – это окликание, давание или возвращение имени.

Восстанавливается почти утраченное: смысл, судьба, ожидание будущей смерти и т. п. Чтобы узнать, что такое мир без нас, надо остановить время, отделить его от мира и от нас самих. Опасное путешествие. Ведь в тот момент, когда наблюдатель вдруг видит, как восходит звезда времени, с ним происходит то же самое, что и с миром: он становится неподвижным, “холодеет”, “костенеет”, “каменеет”. В сущности, он почти мертв... Именно в этот момент надо найти в себе силы, чтобы откликнуться на зов времени, еще живого, но угасающего, принадлежащего далеко не бессмертному наблюдателю. Переход в мир *без времени* должен быть подобен быстрому нырку в глубину, нырнуть и тут же вынырнуть. Успеть вынырнуть прежде чем распадется и язык, то последнее, что от него еще остается и оказывает упорное сопротивление смерти, что бьется в нас как сердце. – наше собственное имя. Окликание позволяет нам вынырнуть. Пересечь порог остановки мира и вернуться назад. Кто окликает? Как ни странно, но это не Душа, не Бог, окликает Язык! Вот этот-то отчет о путешествии в мир, где останавливается время, и будет обэриутским текстом» [10, с. 143].

В момент остановки действия языка поэт попадает в «точку времени», в мгновение которое длится вечность, он: «возможно, в этот момент переживает чувство освобождения: замедленное, словно в Zeitlupe, движение предметов мира, и вдруг открывает их ослепительную новизну: свободно падающие друг на друга образы, звуки, грамматические формы, входящие в ритм *слипания*» [10, с. 147].

Имеет смысл здесь привести отрывок из стихотворения Хармса, который вполне описывает ощущение поэта-наблюдателя в момент переживания освобождения:

«Поэт разбивая об пол карманные часы:

*К чорту времени прибор,
Счѐт минут пора забыть.
Кем я был до этих пор,
Тем и дальше буду быть.
Я случайно превращался
То в перчатку, то в быка,
То над лесом я качался
Точно шар надув бока»* [12, с. 167].

Так же и Введенский предлагает отменить дни, недели и месяцы, заменив их, скажем, некоторой константой называемой «седьмой час»⁵, который будет длиться целую вечность. «Тогда петухи будут кричать в разное время, а равенство промежутков не существует, потому что существующее не сравнить с уже несуществующим, а может быть и несуществовавшим» [1, с. 84].

В момент «слипания» поэт сталкивается с реальностью самой по себе,

он как бы сливается с ней в одно целое. «Есть как бы две волны: волна человека и волна мира. Когда волна человека совпадает с волной мира, настает то, что Я. С. (Друскин – прим. авт.) назовет промежутком или вечностью (он это заметил в кратком освобождении от уроков, в курении). Когда же не совпадает, тогда существование, сотрясение, время...» [8, с. 42], – пишет по этому поводу Л. Липавский. При попадании в «промежуток» чтобы полностью слиться с реальностью, чтобы волна человека совпала с волной мира, человек обязан стереть, как бы сказал Липавский, «кривизну индивидуальности». Как он отмечает: «В конце концов, индивидуальность это самое крупное событие, наверное, других событий и не бывает, не может быть. А если появляется событие, воскресает время и с ним всё остальное, наша маленькая жизнь» [8, с. 86]. Как справедливо отмечает исследователь, «поскольку обэриуты считают Я, обремененное стереотипами видения мира, существующее в постоянном временном потоке, ответственным за утверждение стандартного смысла мира, искаженного таким “нечистым видением”, в их произведениях проявляется большой интерес к свойствам и к жизни Я, граничащий с отвращением к индивидуальности, ее неизбежной нечистоте» [4, с. 130]. Освобождение от индивидуальности, от Я, конституирующегося во временном потоке, обремененного стереотипами мышления, познания и творчества, позволит выйти к миру, как он есть сам по себе, обнаружить его подлинную сущность.

В одном из своих произведений Л. Липавский вспоминает сказку об уснувшем царстве, в которой в результате остановки времени (а в общем контексте его работы это нужно понимать как остановку процесса конституирования смысла) мир теряет свою прежнюю смысловую определенность, утрачивает *смысл мира*, в нем остается то, чем он есть «сам по себе» – растение. Следует согласиться с мнением автора статьи об обэриутах, утверждающего, что: «Укол веретена вызывает изменение в сознании, когда стихийная жизнь мира, первоначальная бескачественная основа обретает самостоятельное существование, утратив связь с “личной жизнью”, т. е. с конституирующими актами Я как субъекта классического рационализма» [4, с. 131], что происходит на основе прекращения действия временного синтеза как основы смыслоконституирования.

Чтобы наиболее остро ощутить чувство сгущения времени, нужно оказаться с ним один на один без посредников, т. е. без событий. «А. В.: ...я не согласен, что время ощущается, когда есть неприятности. Важнее, когда человек избавлен от внешнего и остаётся один на один со временем. Тогда ясно, что каждая секунда дробится без конца и ничего нет» [8, с. 42]. Это ощущение впервые Введенский пережил, находясь в заключении: «Я почувствовал и впервые не понял время в тюрьме. Я всегда считал, что по крайней мере дней пять вперёд это то же что дней пять назад, это

как комната, в которой стоишь посредине, где собака смотрит тебе в окно. Ты захотел повернуться, и увидел дверь, а нет – увидел окно. Но если в комнате четыре гладких стены, то самое большее что ты увидишь, это смерть на одной из стен. Я думал в тюрьме испытывать время. Я хотел предложить, и даже предложил соседу по камере попробовать точно повторять предыдущий день, в тюрьме всё способствовало этому, там не было событий. Но там было время. Наказание я получил тоже временем» [1, с. 83]. Остановка событий влечёт за собой остановку времени, настаёт то, что Я. Друскин называет «пауза несуществования», но она не ощущается, когда есть «ожидание», например такое, какое пережил Введенский в тюрьме. Липавский пишет: «Это кажется странным: разве можно перестать существовать и потом вновь существовать? Но ведь тут много сторон, в одном существование прекращается, в другом отношении продолжается. Ожидание, это участие в токе событий. И только тогда есть время» [8, с. 42]. Яков Друскин, чтобы себя прокормить, занимался преподавательской деятельностью. Он ненавидел эти занятия. В эти часы он остро ощущал присутствие времени: «Приезжая в неприятное для меня место, приступая к исполнению тяжёлых обязанностей, прежде всего я вынимаю табак и курительную бумагу, свёртываю папиросу и закуриваю. В это время я думаю: мне предстоит провести долгий неприятный день. Я буду ощущать время. Время почти остановится. Я буду украдкой смотреть на часы, большая стрелка стоит почти неподвижно. За долгий промежуток времени она проходит всего одно деление. Мне предстоит делать усилия, напрягать свой ум. Я предпочёл бы лежать в поле на траве и смотреть на небо...но я буду давать уроки и напрягать свой ум. Я вижу в этом большую погрешность. Я нахожу ошибку в порядке событий. Порядок событий, имеющих ко мне отношение, нуждается в исправлении» [2, с. 594–595]. Но лучше присмотревшись к этому сгустку времени, который на него упал и начал затягивать в рутинную деятельность, он находит выход из этого неприятного для себя положения, он находит вход в «промежуток» между событиями, вход в «вечность»: «Но затем я думаю: я буду давать уроки через несколько минут, то есть потом. Потом я буду напрягать свой ум, делать усилия. Но сейчас отделено от потом. Приznak некоторого промежутка – горящая папироса, вдыхание дыма. Потом не существует» [2, с. 595]. Выходя за скобки мира, человек видит очертания вечности, он выключает действие времени, и открывает другое измерение существования, в котором нет скуки времени. «Вечность неподвижна, но замечая вечность, я не имею скуки. Время тоже неподвижно. Это пустота и смерть. Время есть, но не проходит...*Время бесконечно*. Ты скажешь: оно бесконечно, так как всегда было и не имеет конца. Нет, оно бесконечно между двумя мгновениями» [2, с. 595].

Процедуру остановки времени мы можем найти не только в письменном творчестве членов ОБЭРИУ, но также и в их кинематографических опытах, а именно «Фильм № 1», сделанный Александром Разумовским и Климентом Минцем, показанный на обэриутском вечере «Три левых часа». Вот как вспоминает об этом фильме подруга Хармса и свидетельница первого показа этого фильма Лидия Жукова: «Спустили экран, вспыхнули очертания мчащегося поезда. Что дальше? А ничего. Поезд всё идёт и идёт, как женщина, покачивая бёдрами; он всё тянется и тянется, это *разматывающийся клубок бесконечности* (курсив мой – Д. П.). Вагон за вагоном в немоте сползает с экрана и проваливается в темноту зала. Конца этому поезду нет. Склеенная плёнка создавала эффект бесцельного движения в никуда, стояния на месте, без надежды на новые очертания, на ритмический переход, на перебивку этого одинокого, уже сводящего с ума мелькания. Экран погас не скоро» [3, с. 9]. Монтаж плёнки создал эффект попадания в бесконечность, так как один и тот же кадр повторялся всё время. В этом движении поезда не происходит никакого изменения, это движение лишено «кривизны индивидуальности», бесконечность разворачивается по мере повторения одного и того же кадра. Липавский утверждал, что существуют процессы, не связанные со временем, а именно: «Мы должны высказать следующее неожиданное утверждение: многие процессы безвременны. Именно, все те процессы, в которых нет колебания, изменчивости в качестве или в силе» [7, с. 47]. Движение поезда, как вроде бы временный процесс, связанный с изменением и действием, становится безвременным разворачиванием бесконечности, так как из этого процесса убирается изменчивость, ритмический переход.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в основе метода бессмыслицы обэриутов лежит разрушение классических схем смыслопорождения, в частности отказ от временного синтеза отдельных впечатлений, который, по Канту, является основой смыслополагания. Кант, вводя для соединения мышления и созерцания в опыте трансцендентальную схему, соединяющую в себе интеллектуальный и чувственный аспекты, и трактуя ее темпорально, обосновал смыслообразующую функцию времени как основной трансцендентальной схемы. С помощью времени предмет подводится под понятие, т. е. возникает процедура означивания, или наделения смыслом. Выключая в себе рациональную сферу и останавливая процедуру временного синтеза отдельных впечатлений, обэриуты выходят в сферу бессмыслицы, которая позволяет им по-новому взглянуть на вещи. Этот метод позволяет им приблизиться к миру самому по себе, очистить его от человеческой дискурсивности, которая всё время пытается втиснуть мир в рамки научно-понятийного познания. Таким образом, бессмыслица есть путь к

новому смыслу.

С остановкой времени останавливается действие языка, так как остановка происходит в мире-языке, в котором мы живём и который поставляет в нашу жизнь осмысленность. Попадая в мир, освобождённый от языка, мы отрываем новую близость с ним, так как язык теперь не препятствует миру захватывать нас напрямую. Как удачно выразился Валерий Подорога, выполняя обэриутскую редукцию или обэриутский жест, мы совершаем «открытие новых возможностей существования для предметов и тел, погрязших в скуке времени» [10, с. 150].

Примечания

¹ А именно, созерцания принадлежат чувственной сфере, тогда как чистое мышление к интеллигенции.

² Здесь и далее при цитировании текстов, взятых в Интернете, номер страницы не указывается.

³ как писал Введенский: «Вбегает мёртвый господин / и молча удаляет время» [1, с. 152].

⁴ «Я говорил себе, что я вижу мир. Но весь мир недоступен моему взгляду, и я видел только части мира. И все, что я видел, я называл частями мира. И я наблюдал свойства этих частей, и, наблюдая свойства частей, я делал науку. Я понимал, что есть умные свойства частей и есть не умные свойства в тех же частях. Я делил их и давал им имена. И в зависимости от их свойств, части мира были умные и не умные.

И были такие части мира, которые могли думать. И эти части смотрели на другие части и на меня. И все части были похожи друг на друга, и я был похож на них.

Я говорил: части гром.

Части говорили: пук времени.

Я говорил: Я тоже часть трех поворотов.

Части отвечали: Мы же маленькие точки.

И вдруг я перестал видеть их, а потом и другие части. И я испугался, что рухнет мир.

Но тут я понял, что я не вижу частей по отдельности, а вижу все зараз.

Сначала я думал, что это НИЧТО. Но потом понял, что это мир, а то, что я видел раньше, был не мир.

И я всегда знал, что такое мир, но, что я видел раньше, я не знаю и сейчас.

И когда части пропали, то их умные свойства перестали быть умными, и их неумные свойства перестали быть неумными. И весь мир перестал быть умным и неумным.

Но только я понял, что я вижу мир, как я перестал его видеть. Я испугался, думая, что мир рухнул. Но пока я так думал, я понял, что если бы рухнул мир, то я бы так уже не думал. И я смотрел, ища мир, но не находил его.

А потом и смотреть стало некуда.
Тогда я понял, что, покуда было куда смотреть,— вокруг меня был мир. А
теперь его нет. Есть только я.
А потом я понял, что я и есть мир.
Но мир – это не я.
Хотя в то же время я мир.
А мир не я.
А я мир.
А мир не я.
А я мир.
А мир не я.
А я мир.

И больше я ничего не думал» [12, с. 115].

⁵ Интересная деталь в том, что в произведении «Кругом возможно Бог»
когда происходит беседа часов, седьмой час говорит: «Мне бы хотелось
считать по-другому» [1, с. 139].

1. Введенский А. И. Полное собрание произведений: В 2 т.– Т. 2. Произведения 1938–1941. Приложения.– М.: Гилея, 1993.– 271 с.
2. Друскин Я. Признаки вечности // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». «Чинари» в текстах, документах и исследованиях в 2-х т.– М.: Ладомир, 2000.
3. Жукова Л. «ОБЭРИУ»// Театр.– 1991.– № 11.– С. 9–11.
4. Иванова-Георгієвська Н. А. Творчість оберіутів на тлі феноменології Е. Гусерля // Філософська думка.– 2003.– № 2.– С. 122–134.
5. Кант И. Критика чистого разума.– Симферополь: Реноме, 2003.– 464 с.
6. Липавский Л. Исследование ужаса // Липавский Л. Исследование ужаса.– М.: Ad Marginem, 2005.– С. 18–41.
7. Липавский Л. Объяснение времени // Липавский Л. Исследование ужаса.– М.: Ad Marginem, 2005.– С. 41–60.
8. Липавский Л. Разговоры // Логос.– 1993.– № 4.– С. 7–69.
9. Молчанов В. Время и сознание. Критика феноменологической философии // http://www.philosophy.ru/library/mol/05_1_4.html
10. Подорога В. К вопросу о мерцании мира // Логос.– 1993.– № 4.– С. 139–150.
11. Хармс Д. Горло бредит бритвою: случаи, рассказы, дневниковые записи // Глагол. – 1991.– № 4.– 239 с.
12. Хармс Д. Урлы-мурлы: Стихотворения. 1924-1939 / Сост. Р. В. Грищенко.– СПб.: СЗКЭО Кристалл, 2003.– 192 с.
13. Ямпольский М. Беспмятство как исток (Читая Хармса).– М.: Новое литературное обозрение, 1998.– 384 с.